

DOI 10.31250/2618-8619-2022-4(18)-67-77

УДК 294.3

Оюна Владимировна Доржигушаева

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления
Улан-Удэ, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-6930-0915
E-mail: oyuna79@mail.com

Галина Петровна Дондукова

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления
Улан-Удэ, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-4390-7556
E-mail: galina.dondukova11@gmail.com

Экологические мотивы буддийского антиурбанизма в Республике Бурятия*

АННОТАЦИЯ. Во всем мире буддизм приспосабливается к жизни в мегаполисах, обретает формы, удобные для горожан, становится платформой для «экзальтированной» экологии и только в Республике Бурятия благодаря оригинальным антиурбанистическим воззрениям Пандито Хамбо-ламы Дамбы Аюшеева подвигает к возвращению к традиционным формам жизни кочевника, уничтоженным советской властью. В статье отмечено, что для аргументации в пользу сельского образа жизни лидер Буддийской традиционной сангхи России использует экологическую мотивацию. Под экологией он понимает возможность жить в согласии с природой, в хороших естественных условиях, иметь возможность употреблять экологически чистую продукцию. Потребность человека в экологичной жизни, по его мнению, может быть удовлетворена в традиционном сельском образе жизни. Миграция сельских бурят в города подвергается критике Хамбо-ламы, он считает, что массовое переселение не делает их гражданами, они пополняют состав маргинального городского населения. Пандито Хамбо-лама Дамба Аюшеев критикует использование глубоких монашеских практик мирянами в городских дхарма-центрах. Свои надежды на возрождение буддизма он возлагает на сельское население, которому вместо теоретического знания высоких текстов предлагает живое общение с ламой, живущим поблизости. Он считает, что жизнь за городом и особенно животноводство — хороший, а также экономически целесообразный выбор для современной бурятской молодежи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: бурятский буддизм, антиурбанизм, экологическая этика

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Доржигушаева О. В., Дондукова Г. П. Экологические мотивы буддийского антиурбанизма в Республике Бурятия. *Кунсткамера*. 2022. 4(18): 67–77. doi 10.31250/2618-8619-2022-4(18)-67-77

* Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 19-18-00412-П «Экологическая этика буддизма».

Oyuna Dorzhigushaeva

East Siberia State University of Technology and Management
Ulan-Ude, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-6930-0915
E-mail: oyuna79@mail.com

Galina Dondukova

East Siberia State University of Technology and Management
Ulan-Ude, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-4390-7556
E-mail: galina.dondukova11@gmail.com

Ecological Motifs of Buddhist Anti-Urbanism in the Republic of Buryatia

ABSTRACT. All over the world, Buddhism is adapting to life in megacities, taking on forms convenient for citizens, becoming a platform for an “exalted” ecology, and only in the Republic of Buryatia, thanks to the original anti-urbanist views of Pandito Khambo Lama Damba Ayusheev, Buddhism moves towards ruralization, a return to the traditional forms of life of a nomad destroyed by the Soviet power. The article notes that the leader of the Buddhist Traditional Sangha of Russia uses ecological motivation to argue in favor of the rural way of life. Under ecology, he understands the ability to live in harmony with nature, in good natural conditions, to be able to use environmentally friendly products. The human need for an eco-friendly life, in his opinion, can be satisfied in the traditional rural lifestyle. Migration of rural Buryats to cities is constantly criticized by Khambo Lama. He believes that mass resettlement does not make them citizens, they only replenish the composition of the marginal urban population. Pandito Khambo Lama Damba Ayusheev criticizes the use of deep monastic practices by laypeople in urban dharma centers. He places his hopes for the revival of Buddhism on the rural population, to whom, instead of theoretical knowledge of high texts, he offers live communication with a lama living nearby. He believes that life in the country and especially cattle-breeding is a good, as well as economically feasible choice for modern Buryat youth.

KEY WORDS: Buryat Buddhism, anti-urbanism, environmental ethics

FOR CITATION: Dorzhigushaeva O., Dondukova G. Ecological Motifs of Buddhist Anti-Urbanism in the Republic of Buryatia. *Kunstkamera*. 2022. 4(18): 67–77. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2022-4(18)-67-77

* The article was prepared according to the RSCF project No. 19-18-00412-P “Ecological Ethics of Buddhism”.

ВВЕДЕНИЕ

Наше исследование началось с того, что мы, обсуждая творческой группой современный буддизм Бурятии, обнаружили, что в столице Бурятии г. Улан-Удэ нет ни одного дацана, относящегося к Буддийской традиционной сангхе России, самому крупному объединению традиционных буддистов России. Мы провели контент-анализ статей и интервью Пандито Хамбо-ламы Дамбы Аюшеева и пришли к выводу, что его взгляды можно считать антиурбанистическими. Мы также изучили его критические аргументы по отношению к городской жизни и основные особенности его антиурбанизма. Так, опыт антиурбанизма Пандито Хамбо-ламы Дамбы Аюшеева ценен тем, что его воззрения носят не только теоретический характер, но и имеют выход на практику: благодаря его деятельности есть люди, которые оставили городскую жизнь и уехали пасти стада. Антиурбанистические взгляды Пандито Хамбо-ламы Дамбы Аюшеева меняют жизнь бурятской деревни. Для Республики Бурятия, в которой население составляет менее миллиона человек, создание 52 «социальных отар» во всех сельских районах республики является серьезным ответом вызовам глобализации и урбанизма и несет экологическую ценность. В то время как во всем мире буддизм приспособливается к жизни в мегаполисах, обретает формы, удобные для горожан, становится платформой для «экзальтированной» экологии, в Республике Бурятия благодаря оригинальным антиурбанистическим воззрениям Пандито Хамбо-ламы Дамбы Аюшеева он подвигает к рурализации, возвращению к традиционным формам жизни кочевника, уничтоженным советской властью. Рурализация (лат. *ruralis* — «сельский, деревенский») — процесс, обратный урбанизации: отток населения из городов в сельскую местность.

Республика Бурятия является субъектом Российской Федерации и входит в состав Дальневосточного федерального округа. На территории Бурятии находится большая часть (около 60 % береговой линии) озера Байкал — самого глубокого пресноводного озера в мире. На этой территории сохранилась традиционная культура коренных этносов, наиболее соответствующая природным условиям, обеспечивавшая гармоничное сосуществование человека и природы в течение многих столетий. В XVII в. здесь появились три города — Баргузинск, Селенгинск и Верхнеудинск, в XVIII в. — Троицкосавск, в XIX в. — Мысовск. Первые города на территории нынешней Бурятии основали русские казаки, назывались они в момент основания острогами (деревянными крепостями) и использовались в качестве укрепленных пунктов, обеспечивавших защиту первых русских поселенцев, и административных центров для сбора ясака.

В XVIII в. на первое место выдвинулся Верхнеудинск благодаря выгодному географическому месторасположению. «С 1783 г. Верхнеудинск — уездный город Иркутского наместничества с магистратским управлением, этнически однородный, русский по составу населения (с заметной долей еврейского компонента)» (Балдано, Кириченко 2015). Буряты на тот период не принимали участие в городской жизни, в управлении городами, бывали в городах наездами во время торговых ярмарок. В статье М. Н. Балдано и С. В. Кириченко (2015) подробно описано как русский уездный Верхнеудинск стал по воле советской власти столицей бурятской автономии Улан-Удэ. «Смена этнического состава происходила не за счет вытеснения старого, а благодаря массовому притоку нового, в большей степени бурятского населения. Целенаправленно были сформированы новые социально-профессиональные группы, номенклатура, интеллигенция, городские средние слои, рабочие через систему социальных лифтов в контексте социалистической индустриализации. Была создана новая система образования, проводилась политика коренизации. В результате сформировался типовой столичный набор социальной и культурной инфраструктуры от системы власти до музеев и театров общепурятского литературного языка» (Балдано, Кириченко 2015: 74). Таким образом, феномен городского буряты появился только в XX в., в отличие от монголов, имевших собственные исторические города, например Урга, Хар-Хорин, Хух-Хото и др.

Урбанизация, кроме неоспоримых плюсов, принесла бурятам кризис этнической идентичности. «Если для сельских бурят этничность оставалась по-прежнему повседневной непроблема-

тичной реальностью, естественным образом воспроизводимой в повседневных рутинных практиках (позднее и в городских условиях), то для городских бурят, вовлеченных в процесс социокультурной универсализации через деятельности индустриального типа, урбанизацию образа жизни, дисперсность расселения и интенсификацию межэтнических контактов, ее воспроизводство сместилось на периферию жизненных задач» (Батомункуев 1999: 38). Сельские буряты, переселившиеся в город, тяжело переживали обесценивание городскими жителями их прежнего опыта, традиционного образа жизни, что не раз отображалось в бурятской художественной литературе советской поры. Добавим, что в советское атеистическое время духовенство и религия не имели никакого влияния на процессы урбанизации и модернизации.

Ситуация меняется с крахом социалистического строя и наступлением перестройки. В постсоветский период стремительно возрастает религиозность населения, «среди буряток-горожанок суммарное число безоговорочно верующих и сомневающихся, но все же склоняющихся к вере, составляет 96,4 % (среди мужчин-бурят — 79,6 %), при этом подавляющее большинство опрошенных причисляют себя к буддийской конфессии» (Амоголонова 2017: 35). Буддисты-миряне сталкиваются с дефицитом духовных учителей, обращают свои взоры за границу, приглашают тибетских и западных учителей для проповеди учения. В то время, когда буддизм России только готовился к восстановлению, в мире уже шла глобализация и происходило сетевое распространение буддизма разных традиций, которое западные буддологи называют буддийским модернизмом. Буддийский модернизм представляет собой адаптацию буддийских доктрин под нужды западного человека путем их упрощения. Адаптация буддизма подразумевает взаимодействие с наукой и выработку методов, способных оказывать психологическую и медицинскую помощь для реабилитации людей, изнуренных выживанием в мегаполисах (McMahan 2008: 63–68). В этом контексте глобальный буддизм можно назвать урбанизированным. Религии становятся присущи черты, характерные для любых иных урбанистических сообществ по интересам: рост значения публичных религиозных дискурсов, складывание свободного рынка религий, функционирующего по принципу индивидуального спроса и выбора, релятивизация религиозного авторитета (Агаджанян 2005), а также формальная религиозность, синтез разных религий, распространение неформальных религиозных движений, коммерциализация религиозной деятельности, «сетевая» религия с подвижной сетью автономных общин, действующих вне национальных и конфессиональных границ, утрата привязки традиционных религий к конкретной территории и этносу.

В 1995 г. главой Центрального духовного управления буддистов РФ (ЦДУБ РФ) становится Дамба Аюшеев, в 1997 г. он меняет название этой религиозной организации (как устаревшее, имеющее ассоциации с надзорной функцией советских госорганов) на Буддийская традиционная сангха России (БТСР), а в 1999 г. утверждает новый Устав БТСР. Хамбо-лама БТСР Дамба Аюшеев считает, что буддийские республики России (Калмыкия, Тува, Бурятия) должны самостоятельно, через внутренний духовный рост осуществить возрождение буддизма на постсоветском пространстве. Он последовательно проводит в жизнь свою позицию, которую еще на заре своей деятельности выразил в интервью журналу «Буддизм России» в 1997 г. Он выступает за равноправные отношения с тибетскими буддистами и выразил мнение, что визит Его Святейшества Далай-ламы XIV в Россию должен происходить на взаимной основе. На буддийских форумах в интернете его позиция подвергается массивной критике со стороны приверженцев глобального тибетского буддизма. «Хамбо-лама Аюшеев изображается, как правило, консервативным выразителем идей национального и религиозного возрождения бурят, сторонником бурятского варианта буддийской идентичности, бурятского языка в литургиях, бурятской парадигмы буддийской образованности. И негативная интонация таких оценок тем более удивительна, что речь идет о возрождении буддизма в Бурятии, а не в освобожденной от диктатуры Пол Пота Камбодже. Хамбо-лама Аюшеев подвергается тяжким поношениям и за его критику шаманизма (которая, строго говоря, подобает его сану), и за его неукоснительную лояльность федеральной политике России, как если бы именно нелояльность служила гарантией религиозного ренессанса» (Островская 2009:

305). Стремление Хамбо-ламы Аюшеева развивать традиционный бурятский буддизм, возрождать институт Пандита Хамбо-лам в Бурятии, традиционные бурятские виды спорта и традиционное сельское хозяйство с преобладанием аборигенных видов скота осуждается как оппозицией, так и новообращенными российскими учениками тибетских лам (их мнение в основном представлено на буддийских интернет-форумах).

Эти разногласия имеют исторические корни. В дореволюционной России бурятская буддистская община была более развита, могла сама воспроизводить духовенство и не зависела от тибетского центра. В советское время БурАССР была единственным регионом с буддийской организацией. Хотя сегодня уровень бурятской сангхи значительно ниже, чем в дореволюционной России, опираясь на такое прошлое, Аюшеев не соглашается с положением подчинения тибетскому центру и не желает занимать позицию «младших братьев», настаивая на автокефальном статусе (Гарри 2014: 338). Кроме того, принятие бурятами глобализованного буддизма, вероятно, понимается Аюшеевым как угроза этнокультурной идентичности бурятского народа (Уланов 2016: 159). В целом его политика ориентирована на то, чтобы сформировать бурятский патриотизм и национализм.

В позиции Пандито Хамбо-ламы Дамбы Аюшеева четко прослеживается антиурбанистический дискурс. «С позиции этого дискурса политическая культура Запада подвергается жесткой ревизии, а абсолютная ценность либеральной идеологии, экспортируемой “глобализаторами” в качестве универсальной модели социально-политического устройства, ставится под сомнение» (Варнавский 2011: 204). В определении антиурбанизма мы придерживаемся определения В. А. Нехамкина: «Антиурбанизм — система теоретических построений и практических действий, негативно оценивающая роль городов в жизни людей, рассматривающая городские территории как сферу аморализма, скученности, хаоса, преступности, иных антисоциальных проявлений, настаивающая на необходимости обязательного переселения городского населения в сельскую местность» (Нехамкин 2015: 7). Какие же аргументы приводит глава бурятского буддизма против урбанистических ценностей?

КЕЙС 1.

ИНТЕРВЬЮ ПАНДИТО ХАМБО-ЛАМЫ ДАМБЫ АЮШЕЕВА АЛЕКСАНДРУ МАХАЧКЕЕВУ В ТЕЛЕПЕРЕДАЧЕ «НЕЙТРАЛЬНАЯ ТЕРРИТОРИЯ» 22.09.2014

Вопрос ведущего: Вы идете к возрождению того, что было до революции, т. е. большое количество дацанов с большим количеством лам или же все-таки лучше современный вариант, в котором много практикующих мирян и меньше лам, которые сидят в дацанах?

Развернутый ответ Пандито Хамбо Ламы Дамбы Аюшеева:

Надо делать упор на дацаны, на сельские местности, чтобы люди, живя в селе, получали определенные знания буддизма там, и его практически применяли. У нас сейчас есть такая тенденция: городские люди получают от многочисленных учителей учения, они собираются в определенном зале, сидят по два-три часа в сутки... но, к сожалению, в дальнейшем они превращают это в свою профессию, они занимаются миссионерской деятельностью... продают специальную буддийскую литературу, они занимаются бизнесом на буддизме. Я считаю, что это неправильно, но, к сожалению, это практикуется, мне бы хотелось, чтобы люди получали образование и знания от своих лам, которые находятся рядом с ними, в процессе всей жизни и чтобы они получали от них практические знания, а не воздушные, поверхностные... Если это обыденный человек, который работает водителем такси, возит людей, ему глубокие познания буддизма не нужны... можно, конечно, ему рассказать о пустотности, взаимозависимости, но зачем ему это, если он изо дня в день думает, как бы ему сохранить и вырастить своих детей... Каждый должен заниматься своим делом. И то нововведение, когда собираются буддисты в городских квартирах, как в свое время интеллигенция, это превращается в такую систему, где городское население, обладающее большим количеством времени, занимается в основном пустословием... В сельской местности мы

восхищаемся, удивляемся, а городских нельзя ничем удивить... Они уже умнее нас даже, они, то есть, буддисты, знают, что сказал Далай-лама, Панчен-лама, Богдо-геген, у них на каждый вопрос уже есть ответ, они могут открыть книгу и сказать... Майкл Роуч по этому вопросу так сказал, поэтому у городских людей много информации, но чего-то не хватает и думаю, что не хватает чего-то важного и потому великие люди все-таки живут от людей подальше. У нас была такая практика: если человек в дацане ничего не построил, не соорудил, какой ему смысл уходить в медитацию. Пока он здесь среди людей, он должен что-то сделать своими руками и своим умом, только после этого он должен идти к идаму, бодхисаттве и просить, чтобы они дали ему возможность с ними пообщаться. Если ты ничего не сделал на этой земле, кроме как теоретически учил, зубрил и делал вид — гороо вокруг дацана, я думаю, что это никакую тебе не дает заслугу.

Анализируя ответ Дамбы Аюшеева, мы можем вычленить несколько аспектов его критики по отношению к городским буддистам-мирянам. Его не устраивает, что:

- 1) миряне занимаются миссионерской деятельностью (буддийские учителя обычно отрицательно относятся к миссионерской деятельности, они считают, что нельзя навязывать человеку религию, что учить религиозным истинам можно только после просьбы самого мирянина);
- 2) превращают религию в бизнес;
- 3) информированность городских мирян не приводит к качественным изменениям;
- 4) их религиозная практика оторвана от реальных дел.

У Хамбо-ламы Дамбы Аюшеева есть оппоненты среди бурятских лам, не разделяющих его позицию. Некоторые ламы во главе с Нимажапом Илюхиновым создали организацию Духовное управление буддистов России (ДУБР), позже экс Хамбо-лама Чойдоржи Будаев организовал Объединение буддистов Бурятии (ОББ). Они составили оппозиционное крыло буддизма Бурятии и в рамках своей идеи возрождения считают, что буддизм должен стать духовной основой демократического развития Бурятии, также оппозиционеры признают ценность других школ и направлений буддизма и лояльно относятся к их распространению в социокультурном пространстве России. Они с симпатией относятся к западному буддизму и устанавливают всесторонние связи с европейскими буддийскими центрами, при этом придают большое значение духовным связям с тибетскими учителями, особенно с Далай-ламой XIV. Характерной чертой нового поколения бурятских лам является активная вовлеченность в общественную и политическую жизнь Бурятии. Так, Самаев с 1994–1998 гг. являлся депутатом Народного Хурала Республики Бурятия, Илюхинов в 1996 г. баллотировался в депутаты Государственной думы, а Аюшеев с 2006 г. является членом Общественной палаты России (Гарри 2014: 88).

Однако между ними существуют разногласия относительно места строительства буддийских дацанов. Если мы посмотрим карту Улан-Удэ, окажется, что в самом городе нет дацанов Буддийской традиционной сангхи России. Дело в том, что Пандито Хамбо-лама Дамба Аюшеев отрицательно относится к строительству буддистских дацанов внутри больших городов. Он считает, что храмы и монастыри должны находиться в уединенных местах. Все дацаны, находящиеся непосредственно в черте Улан-Удэ, относятся к буддистским общинам, не входящим в БТСР. Например, тибетские ламы, живущие в Бурятии, построили свои центры на оживленных городских площадках. Хотя эти центры имеют внутреннее убранство дацанов, их позиционируют именно как «центры», что дополнительно подчеркивает их вплетенность в городское урбанизированное пространство. В 43-м квартале, на улице Жердева, 33, построен тибетский центр «Будда Медицины», руководителем которого является доктор тибетской медицины Ямпил Багша. В центре Улан-Удэ на улице Каландаришвили, 21/4 располагается буддийский центр «ОТОШО», который основал тибетец Нима-Цырен лама, как он пишет о себе на своем сайте, доктор тантрических наук. В городском районе Шишковка тибетский лама Еши-Лодой Римпоче построил целый комплекс «Римпоче-багша» на Лысой горе, включающий, кроме буддистского храма, благоустроенную территорию с дорожками для коры вокруг дацана, ресторан «Кайлас» и большой сувенирный магазин.

Разногласия Хамбо-ламы с Еши-Лодой Римпоче произошли именно из-за выбора места строительства дацана. Хамбо-лама предложил Римпоче строить дацан в лесопарковой зоне Улан-Удэ Верхняя Березовка с готовым фундаментом для дацана, но Еши-Лодой Римпоче выбрал Лысую гору, самое высокое место Улан-Удэ, которую можно рассматривать как точку доминирования над городом. Внутри самой тибетской диаспоры также случаются конфликты, связанные с переделом сфер влияния в городе. Об этом пишет корреспондент интернет-газеты «Республика Башкортостан» Петр Шведов в статье «Контрабанда из Тибета»: «В целом, если рассматривать сложившуюся ситуацию, буддийские республики (Бурятия, Тыва, Калмыкия) у тибетцев рассматриваются как лакомый кусок, способный приносить сверхприбыль при реализации “целебной” продукции. Текущий конфликт в диаспоре — это банальный передел рынка сбыта» (Шведов 2013).

Дацаны упомянутых выше лам-оппозиционеров также находятся в жилых кварталах и деловых центрах Улан-Удэ. Например, дацан ламы Нимажапа Илюхинова делил помещение (или сдавал его в аренду) с банком «Русь». Пандито Хамбо-лама Дамба Аюшеев критикует стремление строить буддийские дацаны в центре города, называет городские дацаны «духовными киосками». Нужно отметить, что антиурбанизм Хамбо-ламы носит сугубо религиозный и этнический характер. Он не считает, что жить в селе, занимаясь сельским хозяйством, окормляясь у местного ламы, хорошо для всех людей. Он говорит, что этот образ жизни подходит верующему буряту-буддисту. Хамбо-лама Дамба Аюшеев открыто критикует миграцию бурят в города. Он предупреждает: «Города всасывают жизнь наших детей, как пылесос, растворяя их. Чем больше город, тем меньше шансов найти себя в нем. С его точки зрения, жизнь вне города и особенно занятие животноводством представляют собой хороший, экономически целесообразный выбор для современной бурятской молодежи. Многие сельские ламы также разделяют его мнение, а некоторые даже активно пытаются убедить своих прихожан не переезжать в город. Поэтому социальная вовлеченность в данном случае имеет не только религиозное, но и социально-экономическое измерение» (Йонутите 2020: 113).

В интервью журналу «Русский репортер» он говорит: «Если я потеряю эти села и все буряты переедут в Улан-Удэ и Москву, тогда я проиграл, тогда буддизм проиграет. Если я буду, например, заниматься пропагандой — ну, скажем, на каждой улице поставлю статую Будды, всех своих лам брошу в города нашу интеллигенцию развлекать... Есть такой путь, конечно. Вон у нас тибетцы читают лекции, дают посвящения — они считают, что это у них буддизм. Ну они что? Они — иностранцы: заберут свое богатство и куда-нибудь уедут — им какая разница. А мне надо здесь жить. Я кровно заинтересован, чтобы народ в селе жил богаче, чем в городе» (Андреева 2012).

Интервьюеры отмечают прямоту и искренность Пандито Хамбо-ламы Дамбы Аюшеева. Например, редактор журнала «Буддизм России» Андрей Терентьев дает такой постскрипtum к интервью: «Мы признательны Хамбо-ламе за искреннее и открытое интервью: легко и приятно иметь дело с человеком прямым и не маскирующим своих взглядов» (Терентьев 1997: 56). Журналист «Русского репортера» Ольга Андреева характеризует его так: «Высокий, крупнотелый и статный бурят со стремительной походкой и хваткой правильного деревенского мужика. Про него рассказывают разное: неинтеллектуал, яростный патриот, может и наорать. Не наорал. Наоборот, обрадовался. Похоже, ему очень важно, чтобы там, в Москве, все наконец поняли что-то главное о буддизме» (Андреева 2012).

Главной своей задачей Хамбо-лама считает вовлечь как можно больше бурят в традиционные формы народного буддистского благочестия. Это участие в ритуалах, астрологическая помощь, тибетская медицина, молитвы, получение нравственного наставления. Он выступает за службу в дацанах на бурятском языке (в меньшей степени — на тибетском). Это способствует усилению этнической эксклюзивности сангхи и укреплению этнических границ в социальном пространстве республики (Амоголонова 2017: 34).

КЕЙС 2. ПРЕИМУЩЕСТВА СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

Интервью Пандито Хамбо-ламы Дамбы Аюшеева Ксении Подгорбунской для интернет-ресурса «Родное село».

— **Достопочтимый Хамбо-лама, что для вас лично значит село?**

— Я сам родом из села. Я горжусь тем, что родился и вырос в маленьком селе, где было от силы 30 дворов. Люди, выросшие в сельской местности, гораздо сильнее. И не только физически. Что отличает сельских жителей от городских? В селе невозможно выжить по принципу «каждый сам за себя». Здесь каждый помогает своему соседу, другу, и не ждет благодарности взамен. Это базовый принцип. По-другому здесь не выживешь. И именно это качество делает сельчан духовно сильнее. Моя мечта, чтобы наши сельчане получили возможность стать богаче и материально.

— **За счет чего должно развиваться наше село?**

— Каждый экономист понимает, что мы живем в регионе, относящемся к зоне рискованного земледелия. Поэтому наиболее эффективным видом хозяйствования здесь было и остается nomadное животноводство. Я считаю, что во главе этого животноводства должно быть овцеводство. <...>

Я считаю, что в каждой сельской семье, там, где есть пастбища, должно быть минимум по 30 овец. Это экономическая база для самообеспечения. Семьи, у которых развиваются свои отары, никогда не будут голодать и нуждаться. Они смогут поставить на ноги своих детей, дать им достойное образование и доступ ко всем современным благам, к которым сегодня все так стремятся.

Сельский житель, уверенно стоящий на ногах, ни за что не променяет деревню на город. Он может раз в месяц приехать в город, приобщиться к городской культуре и... вернется домой. Городская среда изначально агрессивна для человека.

— **Недавно Вы организовали экспериментальный швейный цех при Иволгинском дацане. Как это связано с вашими идеями и проектами?**

Наш следующий шаг — развитие системы переработки продукции овцеводства в каждой семье. В каждом селе. И это касается не только переработки мяса. Овца — животное, которое незаменимо для человека. Нам необходимо вспомнить все ремесла, связанные с переработкой шерсти, выделкой шкур, пошивом одежды. Мы должны заново учиться любить и уважать свои традиции, ценить труд ремесленников и мастериц. <...> И когда в наших селах вновь заработают кузнецы, чеканистики, плотники, каменщики, портные, пекари, тогда и возродится жизнь на селе!

— **Вы занимаетесь возрождением национальных видов спорта, шахматами. Как это Вы связываете с развитием сел?**

— Если в селах не будет крепких здоровых мужчин, то селу не подняться. Мы создали систему, при которой ребята соревнуются не один раз в год, на Сурхарбане, а проходят через множество соревнований разного уровня. В награду победители также получают от нас овец. Самые успешные спортсмены имеют уже довольно приличные стада по двести-триста голов и объединяются друг с другом, чтобы сохранить и приумножить свое хозяйство (Подгорбунская 2013).

В 2009 г. в Республике Бурятия Пандито Хамбо-лама Дамба Аюшеев инициировал проект «Социальные отары». Суть его состоит в том, что фермерским хозяйствам на безвозмездной основе передаются отары овец с условием сохранения их поголовья и передачи приплода другим фермерам. Одной из первоочередных задач проекта было возрождение породы овец бүүбэй, которую исконно разводили кочевники бурятских степей. Восстановление в регионе бурятских пород скота, приспособленных к местным климатическим условиям, сможет решить проблемы экономической целесообразности скотоводства. В 2012 г. Хамбо-лама встретился с Президентом РФ В. В. Путиным, где озвучил свою идею, вследствие чего президент поддержал инициативу и профинансировал проект на сумму 70 млн. руб. (по состоянию на 2012 г. около 2 млн. долл.). На выделенные средства закуплено из разных регионов 10 000 овцематок бурятской породы, и началась раздача первых отар. С каждым годом их число растет. В 2016 г. было роздано около

3300 голов, а в 2019 г. — уже 5050 голов. В 2020 г. планируется раздать 6800 ягнят и 8100 — в 2021 г. По состоянию на 2019 г. созданы и отданы людям 52 отары по 300 и более овец и 22 отары по 100 овец, т. е. около 20 тыс. овец. В 2020 г. общее количество розданных овец приблизилось к 25 тысячам. Сегодня, помимо раздачи овец, буддийская сангха для наиболее эффективного использования скота строит цеха по переработке шерсти и шкур. Президент РФ выделил БТСР дополнительно 30 млн. руб. В 2020 г. буддийская сангха запустила проект «Социальное стадо», в рамках которого по такому же принципу будут раздаваться бурятские породы коров.

В интервью телеканалу «Общественное телевидение России» Пандито Хамбо-лама Дамба Аюшеев сказал: «Мы учим людей отдавать. Если он взял 300 или 500 овец, то пусть он научится отдавать. Не каждому в жизни везет, что он имеет возможность что-то отдавать людям. Это реальное богатство. И он помогает не родственникам. Тот человек, который получил ягнят, он с хозяином незнаком. В этом и есть красота». В буддийской религиозной практике это называется дана-парамита, или парамита даяния (Богомолов 2019).

Антиурбанистические взгляды Пандито Хамбо-ламы Дамбы Аюшеева меняют жизнь бурятской деревни.

В Республике Бурятия очень высок уровень сельской безработицы, из-за которой за последние 30 лет вокруг Улан-Удэ выросло кольцо деревянных домов. Частная застройка в Улан-Удэ с каждым годом все плотнее подходит к многоэтажным домам. Многие жители частных домов до сих пор используют самодельные печи и котлы, которые не обеспечивают полное сгорание топлива из-за различных эксплуатационных ограничений (Воложжина 2011). Зимний смог вызывает конфликты в местном сообществе. Лидер местного отделения партии «Яблоко» Наталья Семенова написала пост в «Фейсбуке» против загрязнения воздуха в городе, который завершила эмоциональным призывом «Валите обратно в свои деревни!» Безработица в селе вынуждает селян ездить на заработки в Южную Корею. По разным источникам, в год в Южную Корею на два месяца (срок безвизового въезда) выезжает на заработки до 35 тысяч сельских бурят. Эта тема много раз обсуждалась как в российской прессе, так и на радио.

В интервью программе «Вести» Хамбо-лама Дамба Аюшеев говорит: «Тут же принцип какой, если человеку на родине, в селе нет работы, конечно, он будет вынужден выезжать или на вахту, или в город, и тем самым он потеряет свои традиции, язык, обычаи и многое другое» (Тудупова 2019). В этой ситуации «социальные отары» Бурятской традиционной сангхи России существенно меняют положение дел в сельской глубинке. Появились прецеденты, когда семьи возвращаются из города в деревню, чтобы взять «социальную отару». В село Дырестуй Джидинского района вернулись из Улан-Удэ семьи Дансаруновых, Хандашиевых и Токтохоевых. Вокруг «социальных отар» складывается социальная инфраструктура, в которой в зависимости от размера отары задействованы от десяти до тридцати человек.

Известный борец Зоригто Цырендондопов вернулся в родное село Ноехон Селенгинского района и одним из первых в республике стал участником проекта Хамбо-ламы «Социальная отара». Позже он занялся еще и коневодством и открыл цех по производству кумыса на своей малой родине в селе Ноёхон Селенгинского района. Его семья ежегодно раздает по 200–300 ягнят по районам республики и поставляет на рынок Бурятии 200 литров кумыса в день под своим брендом. Кроме того, он работает над проектом по сельскому туризму. Возникает вопрос: почему «социальными отарами» занимается буддийский лидер? Во-первых, он заинтересован в том, чтобы люди оставались на селе. Во-вторых, он позиционирует себя не только как глава буддийской сангхи, но и как национальный лидер. В-третьих, из-за сельскохозяйственной политики советского правительства были почти уничтожены бурятские породы овец и коров на территории Бурятии, их закупают и привозят из Монголии и Китая, где они сохранились в локальных бурятских сообществах. В-четвертых, перманентные неудачи Министерства сельского хозяйства Республик Бурятия похоронили надежды на то, что «социальные отары» приживутся в бурятских улусах без авторитета Хамбо-ламы и ширетуев (настоятелей) местных дацанов.

Нужно отметить, что Пандито Хамбо-лама Дамба Аюшеев для аргументации в пользу сельского образа жизни использует экологическую мотивацию. Он дал нашей научной группе интервью, в котором сказал: «Конечно, упадок сельской жизни несет массу проблем, в том числе для экологии. Буряты утратили скотоводство и либо уезжают из сел, либо начинают рубить лес, некоторые нелегально. В прошлом мы не испытывали таких экологических проблем, а люди относились более ответственно к окружающему миру. Я думаю, что утрата традиций в целом влияет на упадок духовности бурят, поэтому их возрождение имеет исключительную ценность». Под экологией он понимает возможность жить в согласии с природой, в хороших естественных условиях, иметь возможность употреблять экологически чистую продукцию. Потребность человека в экологичной жизни, по его мнению, может быть удовлетворена в традиционном сельском образе жизни.

Таким образом, в то время как современные буддийские лидеры в основном идут путем адаптации буддизма к современным реалиям, создавая глобальную модель буддизма, Хамбо-лама предлагает возврат бурят к традициям как ответ на множество вызовов современности. Миграция сельских бурят в города подвергается постоянной критике со стороны Хамбо-ламы, он считает, что массовое переселение не делает их горожанами, они пополняют состав маргинального городского населения. Пандито Хамбо-лама Дамба Аюшеев критикует интеграцию глубоких монашеских практик в мирские слои, которая практикуется в городских дхарма-центрах. Свои надежды на возрождение буддизма он возлагает на сельское население, которому вместо теоретического познания высоких текстов он предлагает живое общение с ламой, живущим поблизости. Анализ антиурбанистической аргументации Пандито Хамбо-ламы Дамбы Аюшеева показывает, что в политику Буддийской традиционной сангхи России не входит отклик на процессы глобализации и она предпочитает оставаться традиционной монастырской системой, работая с мирянами на житейском и религиозном уровне.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Агаджанян А.* Буддизм в современном мире: мягкая альтернатива глобализму // Религия и глобализация на просторах Евразии / под ред. А. Малашенко, С. Филатова. М.: Неостром, 2005. С. 222–255.
- Амоголонова Д. Д.* Хамбо лама Дамба Аюшеев и его роль в современном буддийском возрождении Бурятии // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 2. С. 33–42.
- Андреева О.* Товарищ Будда // Русский репортер. 2012. № 39 (268). URL: https://expert.ru/russian_reporter/2012/39/tovarisch-budda/ (дата обращения: 20.10.2022).
- Балдано М. Н., Кириченко С. В.* Городское пространство Верхнеудинска / Улан-Удэ: от уездного города к столице республики // Идеи и идеалы. 2015. № 2 (24). С. 74–93.
- Батомункуев С. Д.* О полиэтничности Бурятии и проблеме этнической идентичности современных бурят // Традиции и инновации в этнической культуре бурят. М.; Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 1999. С. 30–41.
- Богомолов О.* В Бурятии фермерам бесплатно раздают ягнят // ОТР. 06.12.2019. URL: <https://otr-online.ru/news/v-buryatii-fermeram-besplatno-gazdayut-yagnyat-141148.html> (дата обращения: 20.10.2022).
- Варнаровский П.* «Национальная» религия в контексте глобализации: традиционный буддизм в современной Бурятии // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 192–211.
- Вологжина С. Ж.* Оценка загрязнения воздушного бассейна г. Улан-Удэ // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Науки о Земле. 2011. № 1. С. 48–59.
- Гарри И. Р.* Буддизм в истории и культуре бурят. Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном, 2014.
- Йонутите К.* «Без овечьей отары достойной жизни не будет»: установление границы религии в контексте социально вовлеченного буддизма в Бурятии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38 (1). С. 106–122. doi: 10.22394/2073-7203-2020-38-1-106-122.
- Нехамкин В. А.* Антиурбанизм как социальное явление: философский анализ // Социум и власть. 2015. № 2 (52). С. 6–11.
- Островская Е. А.* Российский буддизм в оправе гражданского общества // Двадцать лет религиозной свободы в России / под ред. А. Малашенко, С. Филатова. М.: РОССПЭН, 2009. С. 294–328.
- Подгорбунская М.* Хамбо-лама Дамба Аюшеев о возрождении села // Село родное. 04.02.2013. URL: <http://selorodnoe.ru/news/show/id3074261/> (дата обращения: 20.10.2022).

- Терентьев А. Буддийская церковь в России: проблемы возрождения // Буддизм России. 1997. № 28. С. 53–56.
- Тудупова Г. Из спортсмена в бизнесмены // Вести Бурятия. 19.08.2019. URL: <https://bgtrk.ru/news/society/176576/> (дата обращения: 20.10.2022).
- Уланов М. С. Специфика современной модернизации буддизма (на примере Бурятии и Калмыкии) // Личность в парадигме межкультурной коммуникации: язык — культура — образование — музей (теоретические и прикладные проблемы). Элиста: КалмГУ, 2016. С. 156–160.
- Шведов П. Контрабанда из Тибета // Газета РБ. 09.04.2013. URL: <https://gazetarb.ru/news/section-incident/detail-38145/> (дата обращения: 20.10.2022).
- McMahan D. L. *The Making of Buddhist Modernism*. Oxford: Oxford University Press, 2008.

REFERENCES

- Agadzhanian A. *Buddizm v sovremennom mire: miagkaia al'ternativa globalizmu* [Buddhism in Modern World: Soft Alternative to Globalism]. *Religiia i globalizatsiia na prostorakh Evrazii* [Religion and Globalization in Eurasia]. Moscow: Neostrom, 2005, pp. 222–255. (In Russian)
- Amogolonova D. D. Khambo lama Damba Ayusheevi: ego rol' v sovremennom buddiiskom vozrozhdenii Buriatii [Khambo Lama Damba Ayusheev and his Role in the Modern Buddhist Revival of Buryatia]. *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2017, no. 2, pp. 33–42. (In Russian)
- Baldano M. N., Kirichenko S. V. Gorodskoe prostranstvo Verkhneudinska / Ulan-Ude: ot uezdnogo goroda k stolitse respubliki [Urban Space of Verkhneudinsk / Ulan-Ude: from the County Town to the Capital of the Republic]. *Idei i idealy*, 2015, no. 2 (24), pp. 74–93. (In Russian)
- Batomunkuev S. D. O polietnichnosti Buriatii i probleme etnicheskoj identichnosti sovremennykh buriat [On the Multi-Ethnicity of Buryatia and the Problem of the Ethnic Identity of Modern Buryats]. *Traditsii i innovatsii v etnicheskoj kul'ture buriat* [Traditions and Innovations in the Ethnic Culture of the Buryats]. Moscow; Ulan-Ude: Izdatel'sko-poligraficheskii kompleks VSGAKI, 1999, pp. 30–41. (In Russian)
- Garri I. R. *Buddizm v istorii i kul'ture buriat* [Buddhism in the History and Culture of the Buryats]. Ulan-Ude: Buriad-Mongol Nom, 2014. (In Russian)
- Jonutité K. “Bez ovech'ei otary dostoinoi zhizni ne budet'”: ustanovlenie granitsy religii v kontekste sotsial'no vovlechenogo buddizma v Buriatii [“There Will be no Worthy Life Without a Flock of Sheep”: Establishing the Border of Religion in the Context of Socially Engaged Buddhism in Buryatia]. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii za rubezhom*, 2020, no. 38 (1), pp. 106–122. doi: 10.22394/2073-7203-2020-38-1-106-122. (In Russian)
- McMahan D. L. *The Making of Buddhist Modernism*. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Nekhamkin V. A. Antiurbanizm kak sotsial'noe iavlenie: filosofskii analiz [Anti-Urbanism as a Social Phenomenon: A Philosophical Analysis]. *Sotsium i vlast'*, 2015, no. 2 (52), pp. 6–11. (In Russian)
- Ostrovskaja E. A. Rossiiskii buddizm v oprave grazhdanskogo obshchestva [Russian Buddhism in the Frame of Civil Society]. *Dvadsat' let religioznoi svobody v Rossii* [Twenty Years of Religious Freedom in Russia]. Ed. by Malashenko A., Filatova S. Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia, 2009, pp. 294–328. (In Russian)
- Terent'ev A. Buddiiskaia tserkov' v Rossii: problemy vozrozhdeniia [Buddhist Church in Russia: Problems of Revival]. *Buddizm v Rossii*, 1997, no. 28, pp. 53–56. (In Russian)
- Ulanov M. S. Spetsifika sovremennoi modernizatsii buddizma (na primere Buriatii i Kalmykii) [The Specifics of the Modern Modernization of Buddhism (On the Example of Buryatia and Kalmykia)]. *Lichnost' v paradigme mezhkul'turnoi kommunikatsii: iazyk — kul'tura — obrazovanie — muzei (teoreticheskie i prikladnye problemy)* [Personality in the Paradigm of Intercultural Communication: Language — Culture — Education — Museum (Theoretical and Applied Problems)]. Elista: KalmGU, 2016, pp. 156–160. (In Russian)
- Varnavskii P. “Natsional'naia” religiia v kontekste globalizatsii: traditsionnyi buddizm v sovremennoi Buriatii [“National” Religion in the Context of Globalization: Traditional Buddhism in Modern Buryatia]. *Antropologicheskii forum*, 2011, no. 14, pp. 192–211. (In Russian)
- Vologzhina S. Zh. Otsenka zagriazneniia vozdušnogo basseina goroda Ulan-Ude [Evaluation of Air Pollution in Ulan-Ude]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Nauki o Zemle*, 2011, no. 1, pp. 48–59. (In Russian)

Submitted: 12.09.2022

Accepted: 02.11.2022

Published: 15.12.2022